

Марина Шевченко

ЛИСА
рассказы

Марина Шевченко

Лиса. Рассказы

«Издательские решения»

Шевченко М.

Лиса. Рассказы / М. Шевченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908134-6

История трех героинь из трех поколений одной семьи с фантасмагорическими элементами. Она повествует о любви и принятии тебя близкими людьми и самим собой.

ISBN 978-5-44-908134-6

© Шевченко М.
© Издательские решения

Содержание

Лиса. 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Лиса Рассказы

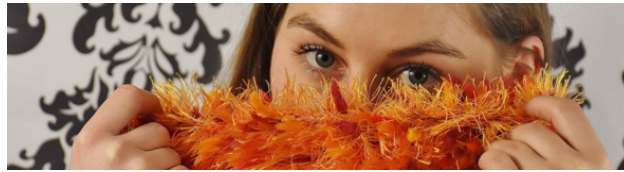
Марина Шевченко

© Марина Шевченко, 2018

ISBN 978-5-4490-8134-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лиса. 1

Солдаты и беженцы сквозными потоками через все страну возвращались к своим домам. В Тимофеевку также вернулись люди. После последнего отхода неприятеля деревня пустовала: кто не успел уйти к партизанам, были угнаны в лагерь. Но теперь она ожила: заскрипели цепи колодцев, повалил дым из печных труб.

Когда в Тимофеевку вернулись первые старожилы, Наталья уже обжила избу, стоящую на краю деревни у леса. Последняя хозяйка умерла за несколько лет до войны. Наталья представилась ее дальней родственницей, потерявшей всех родных. Молодая девушка, самостоятельная и деятельная, невысокая, ладно скроенная, с пушистыми светло рыжими косами не понравилась местным женщинам. Мужчин с войны вернулось мало. Многие матери похоронили детей, умерших от голода и болезней. Женщины, вынужденные выживать кто как может, озлобились, очерствели, многие отцвели безвозвратно. А тут красота молодости, которая вызывала глухую зависть.

Молодые мужчины и парни покружили вокруг двора Натальи, но отстали, столкнувшись с холодным приемом девушки. Только и сошлась она в общении с молодым кузнецом. Выделила его среди других мужчин. При обращении к нему голос был ласковее и приветливее, глаза светло медовые излучали мягкий свет. Где другому скажет коротко «здравствуйте» или «до свидания» и уже далее спешит, для Матвея всегда найдет доброе слово. Иногда долго говорят о хозяйстве, о прошедшем дожде во вторник, о том, что под напором ветра упал старый сарай у Сергеевны. И все так спокойно, деловито, без бойких и озорных шуток или намеков. Вот только, когда глядят на Матвея эти теплые медовые глаза, скользят медленно ото лба и упрямого чуба, останавливаются на все еще красном тонком рубце, идущем от края брови на левую скулу и далее по слегка небритой щеке, кажется ему, будто кто прикоснулся теплой ладонью и мягко погладил.

Мужики хмурились и удивленно вскидывали брови: «Как ты с ней язык находишь? Ишь, какая колючка!» А на его миролюбивые слова: " Ну что вы! Хорошая девушка, хозяйственная.» – смеялись: «Хорошая и хозяйственная. Только как ты подход то к ней нашел?»

Матвей не спорил, только один раз и ответил: " Может я рук не распускаю? И пузырь самогона не требую за то, что дверь поправил? Откуда у них самогон?" И перевел взгляд на известного буяна и задиру Степана Кучеренко.

Парня недавно женили, а он все равно поглядывал на незамужних девчонок. Мужики расхотались и уже донимали Степана. Не хорошо было приставать к девушкам, да и требовать с женщин плату за посильную в хозяйстве помощь. Каждая и сама старалась, что могла поставить на стол и угостить помощника. Только мало чего было у населения в это тяжелое послевоенное время. Иногда разделишь последний кусок хлеба или десяток вареных картофелин между домочадцами и не знаешь, что тебе пошлет день следующий. Конечно, делились между семьями и с огородов не вылезали согнув спины, но в последнее время стаи диких зверей и одичавших собак нападали на опоздавших путников или разоряли нехитрое хозяйство, которое и так было у населения не многочисленно. Местные мальчишки утверждали, что не раз видели лис и у дома Натальи, а может это была одна и та же. Не смотря на это, с других

дворов пропадали куры, а ее двор зверье обходило стороной. Странно это было для местных баб. Чужая и как замороженная. Одна, а справляется со всем без подмоги. Да и парни молодые смеются между собой над Натальей, а сами, если за хвостом или поохотиться собираются, то все мимо ее избы идут. Лес хоть в ту, хоть в другую сторону, а им именно в этот надо, что за ее двором начинается.

Матвей, уже жалел, что не переждал непогоду в Усоевке. На попутной телеге он отвозил заказ и договорился о следующей работе. Мужик, с которым ехал кузнец, отправился дальше в соседнюю деревню повидать родню. Назад он возвращался на следующий день и мог забрать Матвея обратно. Они даже договорились об этом. Но Матвею особо нечего было делать в этом селе и совестно обременять хозяйку многочисленного семейства в доме заказчика, где он остановился дожидаясь попутчика. Что-то торопило его в обратный путь.

Он вышел засветло. Где-то вдали собирались первые тучи. До Тимофеевки ходу через две деревни, а лесом и того ближе. Вечерело быстро, а тучи набежали еще быстрее и заслонили плотной завесой лунный свет.

Сначала Матвей шел лесом. Когда разразилась гроза, вышел на дорогу, чтобы не заплутать среди непогоды. Дорогу быстро размыло, вода бурными потоками стекала со склонов в низины, еще более разжижая грунт.

Дождь стеной лил с настезь распахнутых небес. Громычала и яростно обрушивалась порывами холодного ветра и ледяными потоками воды непогода. Сквозь темную промозглую ночь в ослепительных отсветах молний, упрямо сопротивляясь сильным порывам ветра, возвращался домой одинокий путник. Его фигура взбиралась на холмы и скрывалась в низинах. Разряды молний прорывались сквозь рваные лохматые тучи, освещали лес, тянувшийся вдоль гряды холмистой, свободной от насаждений местности. Деревья в лесу единой массой гнулись к земле под мощным натиском урагана, потом бешено рвались шапками ветвей в небо, с рыком и треском вторя раскатам грома. Путник, как одинокий призрак, высвечивался на вершине холма, а в следующее мгновение исчезал, съедаемый чернотой ночи.

Матвей вымок и продрог. Усталые ноги тащили за собой на сапогах комья налипшей глины. Мокрая одежда прилипла к телу как вторая кожа сковывая свободное движение конечностей. Дождь бил в лицо и мешал видеть путь, плохо различимый в темном пространстве. Глаза разглядели впереди большой стог сена. Где-то сбоку виднелись еще несколько стожков поменьше. Матвей обошел стог и привалился к нему, ища защиты от непогоды. Немеющими от холода руками он стал рыть сено, расширяя выемку, чтобы спрятаться от дождя.

Сквозь вой ветра, шум дождевых капель и дробь стучащих от холода зубов Матвею стало чудиться, что кто-то совсем рядом фыркает или хихикает. «Наверное показалось.» - подумал Матвей. Не успел он отогнать от себя эту странную мысль и успокоиться, как из-за соседнего стожка прямо навстречу ему выступила неясная фигура и двинулась вперед. Сознание вмиг прояснилось и Матвей весь подобрался. Еще мгновение и тоненькая фигурка в суконном плаще склонилась над ним и откинула с головы капюшон. Волосы рассыпались по сторонам и знакомый голос позвал его:

– Матвей. Давно здесь лежишь? Поднимайся. Есть тут местечко.

Но он оторопело глядел на девушку. Тогда она ухватила его за куртку и стала тянуть на себя, заставляя подняться с земли.

– Наталка? - не веря, пробормотал Матвей.

– А кто же еще? – задорно отвечала девушка, схватив его за руку.

Матвей выбрался из под стога, подхватил свой вещмешок и направился вместе с ней. Через пелену дождя они обогнули несколько стожков и остановились у самого высокого стога. Наталья отпустила его руку и стала разгребать ход.

– Полезай внутрь, – сказала девушка, потянула его вниз и пропустила мимо себя в открывшееся отверстие.

Матвей влез внутрь. Следом протиснулась Наталья и закрыла вход сухой охапкой сена. В полной темноте можно было ориентироваться только на ощупь. Матвей развел руки в стороны, потом вверх. Наткнувшись на колючие пучки соломы определил, что сидеть внутри вполне удобно. Опустил руки и нащупал какую-то ткань, расстеленную на земле. Удивление Матвея не проходило. Бывает же так. Кто-то приволок сюда тряпки, значит ночует иногда. Их руки столкнулись в темноте и отдернулись. Он охнул, а Наталья приглушенно рассмеялась. Он тоже хмыкнул. Наталья уже примерно определила его местоположение и, протянув руки, коснулась ими его груди. Он отпрянул назад, но уперся спиной в соломенный заслон.

– Одежду мокрую нужно снять. Заболеешь.– прошелестел в темноте голос девушки. Наталья убрала руки с его груди и добавила:

– Тут одеяло большое. Можно завернуться в него.

«Вот кто здесь ночует», – мелькнула мысль в его голове. Они сидели молча. В глубине стога, заглушающего внешние звуки, было сухо и тепло. Воздух, наполненный ароматами терпких степных трав, успокаивал и одновременно будил странные неведанные чувства. И только сырость промокшей одежды неприятно холодила тело. «В конце концов она сама предложила раздеться. Глупо стесняться наготы в крошечной темноте.» -думал Матвей и понимал, что это не просто нагота и что тут в тесноте они находятся слишком близко друг к другу.

– Хорошо. И правда, не хватает заболеть.– он не узнал собственный голос, хриплый и глухой. Снимая с себя мокрую одежду, ощутил легкие осторожные прикосновения. Поняв, что он не отстранился и принимает ее помощь, Наталья уже более уверенно стала стягивать с него рубаху через голову. Эти нежные теплые касания кружили голову: пальцы, руки, волосы, очень близкое дыхание. Запахи тела смешались с запахами трав. Но, стряхнув с него очарование минуты, девушка опрокинула его на пол и быстро завернула одеялом, подоткнув края ловкими точными движениями.

– Вот и все. Ты готов.-весело сообщила Наталья, низко склонившись над невидимым свертком. Матвей не выдержал и расхохотался, пытаясь высвободить хотя бы руку из одеяла. Наталья прилегла рядом на вторую половину одеяла вторя его смеху.

Матвей не только обсох и согрелся под низким куполом соломенного храма, он расслабился и опьянел, глубоко вдыхая сильный букет медовых ароматов. Наталья лежала притихшая так близко, что ее ровное, еле различимое дыхание теплыми волнами касалось его плеча. Чувства приятно щекотали и мутили сознание. Как приятна и необычна эта их встреча. А ведь он так и не спросил, как она оказалась вдали от дома в такую непогоду. Матвей приподнял голову и оперся на руку :

– Наталка.-позвал тихо и, услышав как она хмыкнула в ответ, продолжил, -как тебя занесло сюда в такую погоду?

– А тебя? -отозвалась девушка, перевернулась на живот и, болтая ногами, добавила куда-то в сторону от него, -последние теплые дни перед холодами. И, похоже, они закончились.

Матвей ощутил какую-то недосказанность в словах и как бы некоторое усталое разочарование в голосе. Среди спокойствия, царящего в его голове, вдруг выскользнула догадка и огромными буквами забила перед внутренним зрением. Его окатило волной жара и он резко приподнялся на руках:

– Ты же не меня встречала здесь? – все же спросил. Вопрос давно замер, он напряженно ждал ответа. И наконец ответ прозвучал:

– А если все же тебя?

Дыхание коснулось его лица и он мог бы поклясться, что различил в темноте еле заметное свечение ее глаз. Страсть пульсировала в крови и растекалась горячим желанием по венам, мышцам. Руки нашли и притянули к себе гибкое горячее тело. Ноги, руки, тела сплелись в тугий узел обоюдного желания. В темноте ночи осенняя непогода беспощадными узами пеленала и приводила к покорности остывающую землю.

Матвей проснулся, разбуженный ползущей по щеке козявкой. Сквозь разобранный вход в теплое укрытие зыбкой сизой дымкой пробивался свет. Свежие струи воздушных потоков охладили выпростанные из под одеяла ноги. Натальи не было рядом. Видно ушла. На Матвея накатили видения о прошедшей ночи. Жар тел, густые запахи в непроглядной тьме казались острее, чем в прохладном одиночестве утра. Страстный и волнующий, но сон. Только сон. Матвей собрал слегка подсохшую одежду и стал одеваться. Охлаждающая сырость тканей бодрила и отрезвляла от волнующих ночных грез. Матвей выбрался наружу.

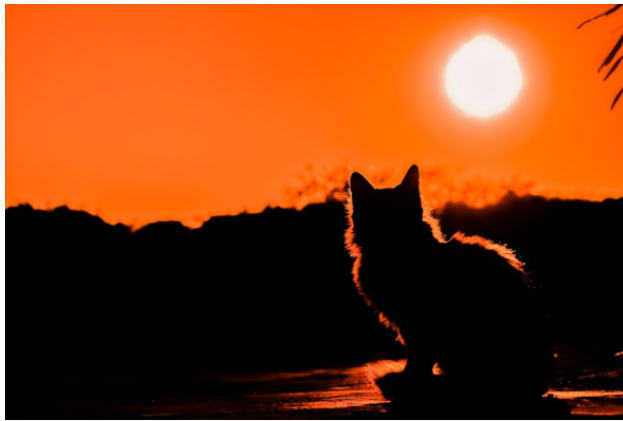
Утро только пробуждалось. От гнева и безудержных рыданий непогоды не осталось и следа. Только мокрые травы и сырой воздух тающий легким волнующим туманом в проникающих сквозь ветви деревьев потоках солнечного света. Скопления тумана в низинах создавало впечатление скольжения в облаках. Проснувшиеся птицы возвещали о приходе нового дня. Матвей быстрой темной тенью спустился с холма в белое молоко тумана.

С той ночи Матвей с Натальей начали встречаться. А ближе к зиме кузнец совсем переселился в избу у леса. Отношений они не регистрировали. Наталья не настаивала, похоже даже не думала об этом. А Матвей, хотя и держал эту мысль в голове, не торопился, наслаждался теплым чарующим потоком отношений, которые влекли его все дальше, все стремительнее. Но люди, всегда и все знающие, неодобрительно качали головами: «Грех. Не по-людски.»

С первым снегом Наталье стало ясно, что она беременна. Матвей, узнав об этом, заговорил о регистрации. Но в Тимофеевке ЗАГСа не было, нужно было ехать в райцентр, а Наталья чувствовала себя плохо, ее постоянно мутило. Поездку все время откладывали. А бабы, разглядев истинное положение дел, всю заголосили: де и парня охмурила, и в грехе ребенка понесла и зверье лесное натравливает на чужие курятники. У Матвея была ладанка подаренная покойной матерью. Он ее все время носил на груди. А тут снял и Наталье отдал: какая-никакая защита для нее и ребенка. Наталья нахмурилась: разве это успокоит злые языки, но ладанку приняла и носила.

Вокруг избы по снегу стал Матвей замечать цепочку следов. То к лесу ведут, то к дому, а вокруг сарая с птицей и не видно. И не сразу то разглядел, а случайно, в выходной день заприметил. В будни уйдет в кузницу спозаранку и вернется с темнотой. Откуда тут увидишь. Спрашивал у Натальи. Отвечает, что не видела ничего, а сама взгляд прячет и ладанку в кулачке зажимает. И в избе не топлено иной раз. Говорит, что плохо чувствовала себя, вот и не вставала.

Случилось однажды из кузницы через деревню до старого Макара Болотова дойти, звал его тот по делу. На обратном пути решил больную свою навестить, раз рядом находился. Уже у ближнего к своей избе дома приметил, как к деревне, низко пригибаясь к земле, рыжая бежит. Он сросся со стеной дома и, не шевелясь, следил за лисой. Когда та была уже рядом с домом, кинулся ей наперерез и застыл на месте. Лиса тоже замерла, глядя ему в глаза. Померещилось или нет, но на шее у лисы болталась ладанка, отданная им Натальей. Он опешил, а лиса, воспользовавшись этим, скрылась за угол дома. Матвей пришел в себя и кинулся к крыльцу, взбежал по нему и распахнул двери. Через сени, через кухню и следующую за ней комнату он пролетел в несколько прыжков и распахнул дверь в спальню. Наталья сидела на кровати опираясь на высокую спинку. Лицо ее было уставшее, испарина выступила капельками пота на висках и шее. И это в нетопленном доме. Мокрые пряди волос спадали на лоб и плечи. Глаза были опущены в пол, а в руках зажата ладанка.

Матвей глядел на Наталью, знал, что видел и не верил этому. Ждал, может что Наталья скажет, но та молчала. Уже убедив себя, что все ему показалось, решил оправдаться за свой столь внезапный приход, хотя она и не спрашивала. Но услышал голос уставший и надломленный:

– Матвей, – тихо позвала Наталья.– Видел?

– Видел, – хрипло признался Матвей.

– Что видел?

– Все видел, – произнес он, не понимая еще до конца, что же такое он видел: лису с ладанкой на шее и все.

Свежий морозный воздух пробежал по комнате и Наталья, которая сидела в одной сорочке, невольно вздрогнула. Ее взгляд оторвался от пола и переместился на окно, створка которого была приоткрыта. Матвей проследил за ее взглядом и почти успокоенный и стреноженный разум вновь заходил ходуном, отдавая сильными толчками в виски. Перевел взгляд на деревянные доски полов. На них расплылись лужицы талой воды.

– Что ты думаешь? – спросила его Наталья, все еще глядя на окно.

– Чертовщина? – неуверенно произнес Матвей.

Наталья вздрогнула и медленно перевела на него долгий взгляд. Потом спросила:

– Разве? Ты так думаешь? – и умоляюще искала что-то в его глазах.

– Значит правда? Ты ведьма?!

– Я? Нет. Ничего подобного. Но свой дар у меня есть: я могу превращаться в лису.

Теперь ее голос звучал с отстраненной насмешкой. Она опять передернулась и обхватила себя руками, пытаясь согреться. Этот жест вывел Матвея из оцепенения. Еще плохо осознавая эту новую реальность, он проследовал к окну и плотно закрыл его на задвижку. Подхватил сползающее на пол одеяло и закутал в него Наталью. Она переменяла позу, подобрав под себя озябшие ноги. Матвей еще не решил, что он будет делать, останется ли, но уже возился с заслонкой печи, закладывая в печь дрова, растапливал и все время оглядывался на Наталью. Как будто она способна растаять в этом сугробе из одеяла и исчезнуть навсегда. Он все делал молча, а Наталья говорила, набегая строкой на строку, с тоской смотрела на него и прятала глаза, когда он поворачивал к ней голову. Ее прорвало: боль, война, ее сестры, одиночество. История жизни сплеталась с историей о ее даре. Голос слабел или она просто сильно устала, но она притихла, привалилась к спинке кровати, пытаясь удобнее уложить голову на ее край. И это ее движение не ускользнуло от Матвея, сидевшего на корточках перед дверцей печи. Он поднялся, подошел к кровати и уложил Наталью на подушки, поправляя вокруг нее одеяло, чтобы ей не дуло.

Он сел на край кровати. Наталья следила за ним, пытаясь предугадать, как подействовали на него ее слова. Выпростила из-под одеяла руку и протянула ее вперед, коснулась его шершавой руки. Он смотрел в сторону, но взял ее руку в свою, утопил ее в своей ладони, чувствуя легкую дрожь тонких пальцев. Та же нежная, теплая, прозрачная кожа. Голубые венки и золотистые крапинки веснушек. Даже зимой они есть. Матвей повернул к Наталье голову и встретился с теплым медовым плеском в усталых глазах.

– Зачем? Зачем тебе этот дар?

– Я не выбирала. Он есть. Он мне дан.

Взгляд Матвея скользнул по одеялу и застыл там, где находился живот женщины. Он не решался спросить, но услышал:

– Да, дар может передаваться и ему.

Он повернулся к Наталье. Ее взгляд тепло вещал: смирись.

– Зачем ты бегала в лес? – уже как бы обыденно спросил Матвей.

– Мне плохо. Я искала коренья и ягоды, чтобы восстановить силы. Было бы странно, если бы беременная женщина болталась по снежным сугробам. И в этом образе мои чувства острее. Я быстрее нахожу, что мне нужно и дорогу назад. Мне это необходимо. Так мы лечимся. Мы сестры лесным жителям и всегда знаем, что нам полезно. Ведь никто не лечит лису или зайца, – усмехнулась она.

– А птицу я не трогаю. Это уж другие постарались. Ко мне не лезут, так как я им все равно, что сестра. (Тут усмехнулся Матвей.) А в другие дворы я им не могу запретить. Да и есть то им что-то надо.

В этой ситуации Матвей совсем забыл, что хотел зайти на минутку, и собрался идти на работу.

– Я скоро. Только предупрежу, что ты заболела и мигом вернусь.

Наталья кивнула. Он отпустил ее маленькую руку, поднялся с кровати и поцеловал ее в лоб так, как целует заботливая мать, пытаясь определить нет ли у ребенка лихорадки. Лоб был прохладен, а волосы высохли и завились вокруг легкими завитушками. Матвей не удержался, жадно и торопливо поцеловал ее тонкие нежные губы.

– Я быстро.

И он вышел, понимая, что примирение состоялось и он уже никогда не сможет уйти от Натальи.

Так до конца и не выяснили, отчего случился пожар. Была середина весны. Среди дня прибежал к кузнице старик Болотов, выпалил, что изба Натальи горит и рухнул на деревянный пень отдышаться. Мужики повскакивали, кто куртки похватал, кто так как был, помчались на подмогу. Когда прибыли к дому, вокруг уже крутились соседи. Сарай к тому времени уже сгорел, только обуглившиеся остовы по краям дымились еще и три уцелевшие курицы бегали ошалело среди людей по двору. Огонь перекинулся на дом, но не сильный. Кто-то из соседей охал, кто-то подтаскивал воду и обливал из ведер и тазов водой стены или бил старым куском одеяла по очагам огня. Наталью уже оттащили от дома и усадили на крыльце ближайшего к ней дома Макара Болотова. Говорили, что сначала она одна билась с огнем. Как мог загореться неотопливаемый сарай- одному богу известно. Дом отвоевали, но требовался основательный ремонт. Собрав нехитрые пожитки с собой, Матвей с Натальей переехали к дядьке Матвея, у которого он раньше жил.

Уже к ночи Наталье стало плохо. Ее то лихорадило, то знобило. А к утру она впала в беспамятство и пролежала так три дня. За ней попеременно глядели Матвей и старая бабка-соседка. К вечеру третьего дня Наталья пришла в себя и бабка с надеждой сказала, что, кажется, болезнь отпустила. Но Наталья вцепилась в руку Матвея и просила его увезти ее отсюда. То же самое она твердила и в беспамятстве. Как ни боязно было везти куда-то больную беременную женщину, оставаться в чужом доме тоже было опасно. Он думал о возможном варианте и потому пообещал Наталье, что скоро перевезет ее в другое место. Она не спрашивала куда, но успокоилась.

Матвей знал об одиноко стоящем блиндаже недалеко в лесу. Убедившись, что Наталье стало лучше, сходил на разведку, осмотрел все внутри. Комнатка оказалась маленькая и тесная с длинным узким оконцем под самым потолком, таким низким, что Матвею при его росте приходилось сгибаться, чтобы не задевать его головой. Стол, лавка и нары у стены- вот и вся обстановка. Матвей перетащил из дома кое-какую посуду и вещи, а также буржуйку. Протопил блиндаж несколько раз, чтобы просохли стены и лавки. И объявил Наталье, что они могут переезжать. Договорился со Степаном насчет кобылы, запряг ее в телегу дядьки, настелил солому, а поверх нее кинул матрац, на который и уложили Наталью. В ногах у Натальи валялись связанные вокруг тела и за лапы птицы. Три выжившие в пожаре курицы. И повел он свою подводу в лес к новому жилищу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.